

УДК 1(091)

МОРАЛЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В УПРАВЛЕНИИ*Р.М. Нигоматуллина***Аннотация**

В статье рассматриваются философские концепты морали и рациональности в связи с проблемой их ввода в теорию управления. Показано значение управления для жизни общества как соразмерное значению морали и рациональности. Описаны условия ввода данных понятий в теорию управления.

Ключевые слова: мораль, рациональность, управление.

Мораль и рациональность мы представляем как философские концепты, необходимые для проблематизации управления как процесса, пронизывающего или скрепляющего социальную ткань общественной жизни. В широком смысле управление есть процесс организации и регуляции живого мира, который в предельном варианте, например с точки зрения теории открытых систем, может выглядеть как процесс самоуправления, самоорганизации и саморегуляции. Вообще, воспроизведение живого, жизни оказывается взаимодействием регуляции и саморегуляции, организации и самоорганизации, управления и самоуправления. Социальная жизнь как часть жизни вообще так же может быть описана в этих понятиях. Надо отметить, что мы в данной работе, по сути дела, ставим знак равенства между понятиями *общество*, *социальная жизнь* и *жизнь* для того, чтобы выявить и подчеркнуть некоторые философские дилеммы теоретизации управления.

Первая дилемма состоит в том, что в социальной теории управление может рассматриваться двояко: как надстроечный процесс и как процесс базисный. В первом случае управление будет являться чем-то внешним по отношению к повседневным интеракциям, составляющим сущность политических, экономических, культурных процессов. При таком подходе считается, что для субъекта управления не имеет значения, чем управлять, так как законы управленческих воздействий универсальны. Фордизм и тейлоризм как научные парадигмы управления строились как раз на таких основаниях. Для фабричного, конвейерного производства было выведено несколько принципов, которые могли быть применены везде, так как фабричное производство имеет массовый характер. Однако научность всё-таки подразумевает описание условий, при которых та или иная концепция имеет смысл. Конечно, описываемый подход становится бессмысленным, если субъект управления, например, переносит методы работы в армии на управление культурой. Во втором случае управление может рассматриваться как процесс базисный или сквозной для всех социальных структур.

Сравнение биологических процессов регуляции и саморегуляции как основы воспроизведения жизни с жизнью социальной приводит нас к мысли, что воспроизведение социальной жизни подчиняется тем же законам. Общество и его структура не могут быть адекватно описаны, если не будет концептуально встроена сфера управления как базовый процесс, имеющий социально-культурные особенности в каждом обществе и являющийся культурным механизмом выстраивания определённого социального порядка.

Вторая проблема теоретизации управления связана с выявлением отношений между понятиями *жизнь* и *управление*. Само понятие *жизнь* в философии имеет определённые коннотации, которые нас отсылают к стихийности, иррациональности (в философии жизни, например). В семиотической связке *общество – жизнь – управление* смысловые отношения между понятиями оказываются неоднозначными. Что значит управлять жизнью как стихией и иррациональным? Может быть, это означает вносить извне рациональность, авторитарно «исправляя» естественность, в конечном итоге доводя до логического конца, разрушать эту жизнь? Традиционно гуманитарии с подозрением относятся к возможностям менеджмента воздействовать на деликатные сферы культурной, общественной, а тем более внутренней, духовной жизни. Однако наука имеет основание поставить эту проблему: можно ли представить управление как процесс органический, вовлекающий в свою рационализацию глубинные жизненные (социальные и личностные) структуры?

В исторической ретроспективе именно так и было: М. Вебер описывает становление современного общества как процесс проникновения рационализации в самые глубины традиционного мифологического сознания, как процесс «разволшебствления» мира [1]. Если мы вспомним историю мысли эпохи Просвещения, в которую собственно завершалось строительство новой картины мира, то одним из главных пунктов «перестройки» являлась рефлексия морали.

Нам кажется, что мораль и рациональность, взятые в системных отношениях, как связанные между собой, могут помочь выстроить видение управления как базового социального процесса, организующего не только внешнюю сторону социального порядка, но и неявные, латентные его сферы. В пользу этого говорит, например, понимание социальной системы Т. Парсонсом, который выделял четыре подсистемы, выполняющие разные функции в обществе, но одинаково важные (AGIL). Экономическая сфера выполняет функцию адаптации к вызовам внешней среды, политическая – функцию целедостижения, социальная подсистема работает на интеграцию системы, культура и мораль поддерживают ценностные образцы: система должна питать, поддерживать и возобновлять как мотивацию индивидов, так и культурные образцы, создающие и поддерживающие мотивацию. Последняя подсистема выполняет латентные функции. Она принадлежит к внешней среде высшей реальности¹ [2].

Каковы же условия ввода понятий морали и рациональности в теорию управления? Первым условием можно назвать представление морали и рациональности

¹ Т. Парсонс описывает две внешние среды, в которых находится социальная система. Среду нижнего уровня образуют физико-органические явления природы, охватывающие «дочеловеческие» виды организмов и «неповеденческие» свойства человеческих организмов. Внешняя среда высшей реальности – проблемы добра и зла, жизни и смерти, представления о богах и т. д.

в нашей концепции взаимосвязанными понятиями. Рационализация моральных ценностей – это необходимое условие ввода понятия морали в систему управления. Конечно, философская постановка вопроса предполагает, что под рационализацией должно пониматься в первую очередь рефлексивно-критическое осмысление тех или иных норм и принципов, то есть их объяснение, затем оправдание или отбрасывание. Это сложный процесс, включающий в себя выработку механизмов субъективации, то есть создания условий для возможности участия в обсуждении заинтересованных лиц. Одновременно рационализация подразумевает подведение определённых моральных принципов под общие правила поведения в данной организации. Здесь мораль приобретает инструментальное значение и «приспосабливается» инструментальной рациональностью для сохранения стабильности установленного социального порядка. Ещё Дж. Локк писал в «Опыте о человеческом разумении», что моральные отношения – это отношения сознательных действий людей к правилам [3], сегодня мы бы сказали, что Дж. Локк практически отождествляет мораль и нормативную рациональность. В этом же смысле, как нам кажется, понимал моральные добродетели и Аристотель. Идея срединности, умеренности, «золотой середины» как характеристики добродетели является прототипом рассудочности и той же самой нормативной рациональности [4].

Интересно рассмотреть обратную связь: рациональность как сфера практической деятельности невозможна без моральных принципов. Это ещё хорошо объяснил И. Кант. Практический разум действует в сфере свободы, она есть также сфера волеия, но воля – практический разум – автономна и не зависит от внешних обстоятельств, а руководствоваться может лишь внутренним законом, который одновременно должен быть законом для всех [5]. Этот моральный закон, категорический императив, обязывает волю в сфере свободы руководствоваться долгом. Поразительная мысль: мораль возможна лишь в сфере свободы как стремление субъекта каждым своим поступком утверждать универсальные нормы. Иначе говоря, «голая» (инструментальная) рациональность как установление определённых норм и правил возможна, но она не сможет себя воспроизводить, если субъект, совершающий усилия по исполнению долга, не будет считать этот акт ценностью, которую он выбирает сознательно и свободно. Это принципиально важный момент, который, как нам кажется, проясняет разницу между инструментальной и ценностной рациональностями, а также то, как возможен переход от первой ко второй. Свойство разума – всё превращать в объект, в том числе и себя. И здесь активна сила принуждения, насилие над объектом, состояние несвободы, которое характерно для сферы деятельности технической, инструментальной рациональности. Нужна моральная воля свободного субъекта. Только тогда он начинает действовать рационально, как цельная личность (как выражались в эпоху советской цивилизации). Только тогда могут появиться условия для восстановления полноты жизни. Добродетель, в отличие от познания, не отражает реальность, а создает, совершенствует её. Мораль можно назвать пределом рациональности (А. Гусейнов).

Второе условие связано с прояснением функции этики как метазнания по отношению к любому частному знанию, в том числе управленческому. Она задаёт необходимые условия действий субъекта по отношению к ценностному

содержанию любой науки. Так, в управлении время, целеполагание, цели и средства, интеграция могут быть представлены как ценности. Например, выбор целей, а также выбор средств достижения этих целей есть ценностно-рациональный процесс. Философско-этическая рефлексия процесса целеполагания ведёт традицию ещё с Аристотеля, у которого цель есть одно из оснований бытия. Цели выстроены в иерархию, заканчивающуюся последней целью, целью как таковой. Она никогда не может быть низведена до уровня средства. Последняя цель есть высшее благо, добро. Высшее благо – это истинное благо [6]. Здесь мы видим логический переход от блага как ценности к истинности, которая связана с рациональностью. В определённой точке деятельности благо, добро и истина должны смыкаться, иначе эта деятельность перестаёт быть рациональной, что означает выхолащивание сути управленческой деятельности. Таким образом, выбор целей не может не быть связан с морально-нравственной рефлексией. Рациональность и эффективность управления оцениваются в соразмерности с общественными и личными ценностями, которые имеют этическую природу.

Третье условие связано с тем, о чём говорилось выше. Европейская культурная традиция связывает этику с рациональностью и истинностью. На протяжении всей истории философской мысли предпринимались попытки сделать этику научной, то есть, во-первых, решить вопрос истинности и, во-вторых, исключить метафизику. Решение этих задач приводит к тому, что моральные принципы содержательно сформулировать невозможно, так как истинные моральные принципы должны иметь общезначимый характер. Но это означает, что если какие-то нравственные императивы будут противоречить друг другу, то один из них, вероятнее всего, окажется истинным, а другой – нет. Однако такое положение дел не представляется возможным. В современной философии большое стремление внести научность и рациональность в этику мы видим у неопозитивистов. Так, попытка исключить метафизику из определения морали приводит Дж. Мура к анализу языковых форм. В итоге, в «Принципах этики» он констатирует, что невозможно определить *добро*. Оказывается, это понятие не определяемо, любая вещь может быть добром. Определение можно дать сложному предмету, состоящему из частей, но добро таковым не является. Термин *добро* обозначает уникальный простой предмет мышления [7]. Л. Витгенштейн постулирует: этика не поддаётся высказыванию, предложения этики невозможны, ни одно предложение этики нельзя считать ни истинным, ни ложным [8, с. 70]. На этом основании этические ценности вообще были исключены Л. Витгенштейном из научного оборота. Его поддержали А. Айер, Б. Рассел, Р. Карнап, Г. Рейхенбах и другие неопозитивисты, предложившие такой термин, как *эмотивизм* [9]. Этические утверждения являются выражением чувств, они имеют чисто эмоциональное значение, этические понятия суть псевдопонятия и потому не анализируемы. Всё вышесказанное говорит о том, что моральные суждения не могут быть универсальными, они соотносятся с конкретной ситуацией. Что такое конкретная ситуация в данном контексте? Начнём с того, что это принятая всеми рациональность, в рамках которой моральные суждения имеют универсальный характер. Как её (конкретную ситуацию или рациональность) следует интерпретировать? Прежде всего следует попытаться типологизировать возможные ситуации. Во-первых, социальная и историческая реальность

показывает, что следует применять отдельные подходы к ситуациям стабильным и нестабильным. В первом случае рациональность – это те правила поведения, которые понятны всем участникам процесса и разделяются ими. Рациональность в данном контексте может быть названа нормативной, как её понимал М. Вебер. Нормы принимаются при условии понимания всеми общих смыслов, в них содержащихся. Во втором случае ситуация выглядит намного сложнее.

Таким образом, рациональность есть прояснение социальных отношений, то есть конкретной ситуации, она есть характеристика взаимодействия людей. В свою очередь, мораль, чтобы быть действенной, должна быть рациональной.

Summary

R.M. Nigmatullina. Morality and Rationality in Management.

This paper considers the philosophical concepts of *morality* and *rationality* in terms of their introduction to management theory. It is demonstrated that the value of control in the life of society is similar to that of morality and rationality. Conditions for introduction of these concepts in management theory are described.

Keywords: morality, rationality, management.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–707.
2. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академ. проект, 2002. – 832 с.
3. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – С. 78–582.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 5–293.
5. Кант И. Критика практического разума. – СПб.: Наука. Ленинград. отд-ние, 2007. – 528 с.
6. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 295–374.
7. Мур Дж. Принципы этики. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
8. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
9. Айер А.Д. Язык, истина и логика // Аналитическая философия: избранные тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – С. 50–65.

Поступила в редакцию
11.11.14

Нигоматуллина Резида Масхутовна – кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: nigomati@mail.ru